

ОТЗЫВ

об автореферате диссертации

«ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА»,
представленной СИТНИКОВОЙ Александрой Ивановной
на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Тема рецензируемой диссертации, безусловно, *актуальна*. Очевидно, что в современных условиях языковые средства выражения уголовно-правовых предписаний приобретают важнейшее значение. В следствие этого за последние годы резко возросло число работ, посвященных совершенствованию законодательной техники, причем как в числе общетеоретических разработок, так и применительно к отраслям российского права, включая уголовное. Однако, большинство работ в этой области затрагивают преимущественно отдельные вопросы законодательной техники, применительно к тем или иным институтам или составам преступлений. Это обстоятельство предопределяет не только актуальность данной работы, но и во многом свидетельствует о ее *научной новизне, теоретической и практической значимости*.

Решение поставленных автором задач будет способствовать не только дальнейшему развитию теории уголовного права, но и восполнению пробелов, с которыми постоянно сталкиваются в своей деятельности следственные органы, органы дознания, прокуратуры и суды, а стало быть, работа Ситниковой А. И. обладает не только теоретической, но и практической ценностью.

Достоверность полученных автором результатов подтверждается положенными в основу эмпирической базы материалами Верховного Суда РФ, результатами собственных законодательно-текстологических анализов нормативных текстов, имеющих уголовно-правовой характер, данными анкетирования и опросов 1620 респондентов в пяти регионах Российской Федерации (г. Орел, Курск, Белгород, Тула, Санкт-Петербург). Все это свидетельствует о достаточной репрезентативности результатов проведенного исследования.

Основные положения диссертационного исследования, выводы и рекомендации автора нашли достаточно солидную *апробацию* в **80** научных работах, включающих **6** монографий, **29** публикаций в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов исследования, и **44** публикаций в иных рецензируемых изданиях, среди которых материалы 26 международных, 3 всероссийских, 1 межрегиональной научно-практических конференций и 5 Российских конгрессов уголовного права, общим объемом **99** п.л. Основная часть работ выполнены единолично (91 п.л.).

Не затрагивая в целом, *структуру работы*, которая представляется логичной и обоснованной, следует подчеркнуть весьма удачное ее композиционное построение. Отрадно, что в качестве иллюстративного материала применения современного учения о законодательной текстологии уголовного права диссертант использует институты как Общей (институт неоконченного преступления; соучастия в преступлении; обстоятельств, исключающих преступность деяния), так и Особенной части УК РФ.

Большинство выводов диссертантки заслуживают безусловной поддержки. В частности, о природе уголовно-правового концепта «законодательной текстологии» существенно отличающей ее от концепта самой «текстологии»; о методологических основах законодательной текстологии уголовного права; о возможности выделения с учетом текстологического подхода в уголовно-правовых предписаниях двух компонент: темы (предмета сообщения) и описательного компонента (содержания данного сообщения), являющихся категориями актуального членения нормативных текстов; об алгоритме интерпретации, состоящем в установлении подлинности текста уголовно-правовых предписаний, анализе текстуальных признаков, имеющих значение для уяснения законодательной воли, сегментации нормативных текстов уголовно-правовых предписаний с последующей законодательно-текстологической отработкой каждого конструктивного элемента; о взаимосвязи законодательной текстологии и законодательной техники, которая проявляется в том, что уголовно-правовая текстология использует понятийно-категориальный аппарат законодательной техники наряду с собственным понятийным аппаратом, проводит дифференциацию смежных проблем, имеющих общую тематику (заголовки, нормы, примечания и др.), опирается на достижения законодательной техники при рассмотрении уголовно-правовых конструкций и других законодательно-технических категорий, которые объективированы в уголовном законе *текстуально* и как таковые подлежат законодательно-текстологической интерпретации, отвечает на вопросы, не решенные законодательной техникой в части конструирования нормативных

текстов, дает дополнительные возможности, связанные с использованием теоретических положений законодательной техники в отношении новых составов преступлений и других компонентов уголовного закона и тем самым расширяет предмет уголовно-правовой науки и др.

Достоинства работы А. И. Ситниковой можно было бы продолжать и дальше. В то же время масштабность проведенного исследования и глубина поставленных вопросов выявили ряд дискуссионных положений, нуждающихся в дополнительной аргументации.

1. Соискатель приходит к выводу о том, что «ускоренно-поточное производство Федеральных законов в сфере действия уголовного законодательства должно быть основано на предъявлении повышенных требований к законодательной технике и законодательной текстологии» (с. 20 автореферата). Подобная критика современного законотворчества вполне заслуживает поддержки. Однако возникает вопрос: кто будет предъявлять эти повышенные требования, сам законодатель?! Но как раз на это у законодателя объективно не хватает времени и соответствующих ресурсов (а возможно и политической воли). Представляется, что было бы полезным обратить внимание на *социальную обусловленность* подобного законотворчества и выдвинуть соответствующие требования к подобной деятельности на уровне политических институтов общества, способных повлиять на уровень «законопроизводства» и, главное, качество уголовного законодательства.

В частности, можно рекомендовать установление моратория (определенной продолжительности) на последующее изменение вновь принятого уголовного закона, чтобы можно было проверить или убедиться в эффективности или, наоборот, неэффективности ранее принятого решения.

2. Несколько односторонним представляется вывод, что «проблема качества уголовного закона должна решаться применительно к уровню компетентности его адресатов – правоприменителей», а якобы массовый адресат «в силу недостаточной компетентности в состоянии воспринять только поверхностный уровень уголовного закона» (с. 9). Полагаем, что решение данной проблемы неразрывно связано с проблемой восприятия (осознания) гражданами уголовно-правовых запретов, то есть состоянием общественного и группового правосознания и необходимостью его изучения и коррекции. Это касается и правосознания лиц, совершивших преступления, а также профессионального правосознания юристов. Не секрет, что у адресатов уголовного права – правоприменителей существуют серьезные деформации правосознания, что не является гарантией надлежащего выполнения ими функции «посредника» в коммуникативном акте между законодателем и массовы-

ми адресатами (с. 9, 26). Об этом свидетельствует и высокий уровень коррупции в правоохранительной сфере. К сожалению проблема правосознания субъектов уголовно-правовых отношений в аспекте законодательной текстологии автором оценена недостаточно.

3. Вряд ли можно признать удачным выделение диссертантом составов неоднократности (имеются в виду составы, описанные в ст. 154, 180 УК РФ); составов причинения определенного вреда (фактически дублирующих материальные составы преступления), составов применения насилия, составов размерности (с. 10, 11 и др. стр. автореферата), которые выступают в качестве разновидности формальных составов. Нет целесообразности в предложении диссертанткой именовать гл. 8 УК РФ «Причинение вреда в исключительных ситуациях» (с. 10 автореферата) вместо «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». Аналогичной оценки заслуживает и предложение вернуться к криминализации приготовления к любому преступлению (с. 29 автореферата), а не только к тяжким и особо тяжким, как это имеет место в действующем законодательстве.

Необоснованной также представляется оценка в качестве вида неоконченного преступления «преступления, прекращенного в силу добровольного отказа от его совершения» (с. 28), поскольку в этом случае преступление отсутствует.

4. Отдельные законодательные предложения излишне «теоретизированы», что не способствует их правильному пониманию и применению на практике (например, указание в ч. 2 ст. 29 на учет при квалификации «содержания и направленности умысла»; в ч. 1 ст. 30 - указание закона на «создание условий...» искусственно заменено на довольно аморфный признак «создание *предпосылок ...*», в результате чего формулировка приготовления лишилась четкости и смысловой определенности; в ч. 2 ст. 30 наблюдается смысловое дублирование текста, поскольку оценка в качестве покушения «действий (бездействия), не доведенных до конца «либо не достигших преступного результата» означает одно и то же явление и др. Кроме того, о каких правовых последствиях добровольного отказа соучастников говорится в примечании к ст. 30 со ссылкой на ст. 42 ТМ (то, что лицо не подлежит ответственности, скорее означает отсутствие основания ответственности, а не правовое последствие). Вряд ли существует необходимость в предписании ч. 4 ст. 42 ТМ, поскольку добровольный отказ соучастников (в сложном соучастии) никак не влияет на ответственность исполнителя. Трудно поддержать соискателя в изменении терминологического обозначения некоторых форм соучастия (*преступная группа, преступная группа лиц по предварительному сговору, организованная преступная группа*) (с. 30).

*Высказанные замечания носят дискуссионный характер, открывают простор для новых исследований автора, не умаляют ранее данной общей положительной оценки работы, подтверждают ее высокий уровень и позволяют сделать вывод о том, что рецензируемая работа по своим основополагающим параметрам отвечает требованиям п. 8, 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, является самостоятельным монографическим исследованием, отвечающим критериям научной новизны, теоретической и практической ценности, а ее автор — **СИТНИКОВА АННА ИВАНОВНА** — заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.*

Отзыв подготовлен заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом РФ Коняхиным В.П.; профессором этой кафедры, доктором юридических наук, профессором Грошевым А.В. и доцентом этой кафедры, Ученым секретарем Диссертационного совета Д 212.101.02 при Кубанском госуниверситете, кандидатом юридических наук, доцентом, Заслуженным юристом Кубани Феокистовым М. В., обсужден и единогласно одобрен на заседании кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета 29 января 2014 г. (протокол № 10).

Заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии
Кубанского госуниверситета
Заслуженный юрист Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

В. П. Коняхин

Подпись В. П. Коняхина удостоверяю:

Начальник управления кадров
Кубанского госуниверситета

И.И. Миронова

04 февраля 2014 г.

350000, г. Краснодар, ул. Октябрьская, 25
Кафедра уголовного права и криминологии
юридического факультета Кубанского государственного университета

Тел./факс +7(861)268-59-59; email: kup_kubgu@mail.ru